

С. П. Толстов

Из предистории Руси

(Палеоэтнографические этюды)¹

I. Низами и Арриан

Среди произведений средневековой восточной литературы, на страницах которых упоминается имя нашего народа, безусловно, одно из первых мест занимает замечательное произведение национального поэта азербайджанского народа, великого Низами, его «Искандер-Намэ».²

✓ Одно из наиболее ярких мест этого произведения посвящено апокрифическому сказанию о походе Александра Македонского на руссов.³ На первый взгляд этот рассказ представляет собой лишь историко-литературный интерес. Однако более углубленный анализ этого произведения позволяет прийти к выводу, что из него мы можем извлечь и нечто большее — не только то, что характеризует эпоху Низами, но и то, что характеризует эпохи, близкие к событиям, описанным Низами.

«Искандер-Намэ» Низами представляет собой не просто поэтическое произведение. В основу его положена обширная, творчески переработанная этим автором литература, по преимуществу разные апокрифические сказания об Александре Македонском, относящиеся к циклу псевдо-Каллисфена, как известно, уже в II—IV вв. н. э. переведенного с греческого на пехлеви.⁴

Сам Низами так характеризует свою работу:

Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов,
Я не видел начертанными ни в одном свитке.
Слова, собранные мною как сокровище,
Во всех списках были разбросаны.
И, облакая их в убранство стиха,
Кроме новейших историй изучал я и книги

¹ Переработанная стенограмма доклада на сессии Отделения истории и философии АН СССР 22 сентября 1943 г. и на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь, 1943 г.).

² Низами Гянджеви. Искандер-Намэ. Ч. I. Изд. Аз. ФАН, Баку, 1940. Русск. пер. Е. Э. Бертельса. Ср. изд. J. B. Chahnoy, SPB, 1827; Dorn, Caspia, p. 286.

³ Низамия, пер., стр. 312 и сл. Ср. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. Журн. Мин. нар. просв., V, 1835.

⁴ Об эволюции сюжета псевдо-Каллисфена на до-мусульманском и мусульманском Востоке см. W. Geiger und E. Kuhn. Grundriss der Iranischen Philologie, II S. 145—146 и др. См. также Бертельс. Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, стр. 105 и сл.

Еврейские, христианские и пехлевийские,
Выбирая из каждой книги то, что в ней было драгоценным,
Из каждой скорлупы вынимал ее зернышко.¹

Из анализа текста Низами мы можем прийти к заключению, что среди этих источников были и такие, которые до нас не дошли; в них имелись сведения, представляющие для нас немалый интерес.

Низами рассказывает, как Александр после похода на Дальний Восток возвращается в Среднюю Азию, в Самарканд, и узнает о том, что на владения Нушабэ, царицы известного азербайджанского города Бердаа, напали руссы. Александр отправляется в поход на этих руссов, чтобы наказать их и освободить Нушабэ. При этом он избирает весьма интересный для нас маршрут, особенно любопытный, если учесть закавказское происхождение Низами. Александр идет в Хорезм, переходит Аму-Дарью и выходит в Кыпчакские степи, судя по историко-этнографическим деталям — на Волгу, где и сталкивается с руссами. Страницы, посвященные описанию боя с руссами, весьма ярки. Они должны быть введены в широкий оборот как памятник того глубокого уважения, которое военное искусство наших предков вызывало у представителя одного из братских народов Союза. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление руссов.

На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих руссов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны.

Анализируя маршрут Александра у Низами и другие детали его рассказа, приходим к заключению, что не все в этом рассказе может быть почерпнуто из близких хронологически раннесредневековых событий, хотя анахроничность географии Низами и его зависимость от современной ему географической литературы более чем очевидны.

Средневековый Азербайджан хорошо знал руссов. События X в., связанные с той же самой Бердаа,² и более близкие отношения с Русью³ были в памяти населения Азербайджана, но если бы Низами исходил лишь из того, что сохранила восточная традиция об этих походах руссов, то целый ряд деталей его рассказа не мог бы найти места на его страницах. Прежде всего, это маршрут Александра против руссов, в котором фигурируют Самарканд и Хорезм.⁴ Чтобы увязать эпизод о нападении руссов на царицу Нушабэ с Бердаа, Низами вынужден вести ее посольство с тревожной вестью из Азербайджана в Самарканд, где находится Александр. Настоячиво Низами отождествляет руссов с аланами и какими-то загадочными «арками».⁵ Руссы рисуются Низами как по преимуществу конный народ, в то время

¹ Низами, стр. 71.

² О походах руссов на Бердаа в X в. см. Догп, цит. соч.; Григорьев, цит. соч.; Якубовский. Инб-Мискавейх о походе руссов на Бердаа. Визант. Временник, XXIV, 1926, стр. 63 и сл.

³ В частности, не упоминаемый русскими летописями морской поход руссов и хазар в 1175 г. на Ширван, о котором сообщает Хакани (Догп, цит. соч., стр. 13 и сл., 304 и сл.). Видимо, прав Куник (у Дорна, стр. 241), видящий здесь поход русской волго-донской вольницы, бродников, будущих казаков.

⁴ Низами, стр. 315: «Он отогнал своего коня от кипящего Джейхуна и погнался на другую сторону, в хорезмскую степь».

⁵ Низами, стр. 312: «Русские бойцы из аланов и арков ночное нападение совершили, словно град».

как руссы источников X в. выступают как народ моряков и пехотинцев.

Целый ряд деталей этой части рассказа Низами ассоциируется с деталями античных традиций о походах Александра. Я начну с конца, чтобы затем вернуться к дополнительным аргументам.

Связь в этом сказании руссов, Хорезма, амазонок (комплекс царицы Нушабэ), Самарканда заставила меня искать аналогичный комплекс в первоисточниках о походах Александра. Оказалось, что, действительно, мы находим у наиболее достоверных античных авторов такие места в рассказах о походах Александра, где Самарканд и Хорезм, Восточная Европа, народы Северного Кавказа и Поволжья оказываются связанными. Это рассказ Арриана, идущий, видоизменяясь, через всю дальнейшую традицию, рассказ об Александре и хорезмийском царе. Согласно этому рассказу, когда Александр Македонский был в Самарканде, к нему прибыл царь хорезмийский Фарасман, и предложив ему военный союз, приглашал его принять участие в походе против соседей Хорезмийского царства — колхов и амазонок.¹

Рассказ этот давно привлек внимание специалистов. Гутшмид,² а за ним Бартольд³ пришли к общему заключению, что политическая тенденция, которая ярко проявляется в средневековой истории Хорезма и Восточной Европы, восходит еще к IV в. до н. э. Эта тенденция, проявившаяся во включении в XIII в. Хорезма в золотоордынское государство — политическое объединение Аральского бассейна и восточно-европейских областей, имеет, таким образом, длительную предисторию. Но сопоставление рассказа Арриана с «Искандер-Намэ» позволяет сделать и еще одно заключение, притти к выводу, что в рассказе Низами в сильно искаженном виде сохранились сведения первоисточников, восходящих к той же информации, которую по данному вопросу имел Арриан. Действительно, если мы пойдем по позднейшим античным источникам (Павел Орозий и др.), то мы увидим, что в поздней античной традиции посещение царя хорезмийцев заменяется посещением царицы амазонок, которая прибывает к Александру, вступает с ним в брачный союз, и завязывается романтическая история, перекликающаяся с отношениями Александра и Нушабэ.⁴

Уже в поздней античности, таким образом, закладываются элементы будущего сюжета этого эпизода «Искандер-Намэ». В раннесредневековой персидской литературе этот эпизод «Романа об Александре» имеет довольно значительную историю. При этом в ранних версиях сохраняется трактовка прототипа Нушабэ как царицы амазонок. Царицей амазонок является один из прототипов Нушабэ — царица Кайдафэ у Фирдоуси. Характерно, однако, что ее царство Фирдоуси помещает в Андалусе (Испании), что заставляет предполагать независимое восхождение обоих образов к общему первоисточнику. Отголосок восходящего непосредственно к кругу псевдо-Каллисфена сюжета о посещении Александром страны амазонок выступает, наряду с циклом Нушабэ (первоначальный образ которой у Низами завуалирован), также и в рассказе Низами о пребывании Александра в стране кыпчаков, о его борьбе за введение чадры у кыпчаков и о постановке им в этой связи изваяния закрытой женщины, якобы заставившего кыпчакских **женщин** закрыть свои лица.⁵ Здесь, несомненно, морализирующая литературная

¹ Арриан, IV, 15, 4.

² Gutschmid. Geschichte Irans.... Tübingen, 1888, S. 10.

³ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море. Ташкент, 1902, стр. 2.

⁴ Латышев. Scythica et Caucasica. I, 3, стр. 902 и след.

⁵ Низами, стр. 315—318.

обработка первоначального сюжета, где место кыпчакских «открытых» женщин занимают степные воительницы — амазонки псевдо-Каллисфена. С другой стороны, рассказ о тяжелом семикратном сражении с руссами перекликается с другими фактами, сохраненными античной традицией. Наиболее близкими к этому сюжету являются события, связанные с битвой Александра против скифов на Яксарте.

№1 Возникает вопрос: почему в соединении у Низами двух традиций, восходящих к Арриану или к его первоисточникам, вдруг появляется имя руссов? Является ли это только результатом интерполяции на древний исторический материал современной или близкой ко времени поэта ономастики, как это имеет место в том же рассказе с буртасами, хазарами, ису и т. д.?

✓ Учитывая ряд выступающих в рассказе Низами моментов, в частности настойчивую связь между руссами и аланами и появление как синонима обоих этих имен загадочного имени арков, я думаю, что это может быть объяснено другими причинами. Для объяснения этого можно выдвинуть гипотезу (я постараюсь доказать ее ниже), что руссы в рассказе Низами поставлены на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус. Такой народ мы знаем. В непосредственном соседстве с Хорезмом, на запад от Аральского и на север от Каспийского морей, по нижней Волге и далее на запад в эпоху, близкую к Александру, античные, а еще ранее китайские источники фиксируют народ аорсов, или аланов, в китайской транскрипции Яньдай.

Мы знаем, что аорсы или аланы имеют в несколько более поздний период своим западным соседом и несомненным сородичем другой народ, который носит имя, соединяющее в себе оба имени: аорсов и аланов. Это роксоланы.

II. Три Аракса

Имя роксолан уже не ново в историографии проблемы происхождения имени «Русь». Мы знаем, что в свое время гипотеза роксоланского происхождения имени «Русь» была выдвинута М. В. Ломоносовым и развита Д. Иловайским¹ и рядом других исследователей, затем отступила на задний план перед шедшей победным маршем варяжской теорией и, наконец, в последнее время снова начинает завоевывать себе некоторые права гражданства.²

В гипотезе Иловайского есть, несомненно, слабое место, которое и дало возможность в свое время раскритиковать ее и снять с обсуждения, выплеснув, можно сказать, из ванны вместе с водой и ребенка.

Дело в том, что для Иловайского роксоланы — это уже руссы, славянские руссы, так же как гунны или болгары являются для него безоговорочно славянами. Нетрудно было показать, что роксоланы II и I вв. до н. э. — не славяне, говорили, судя по немногим дошедшим до нас именам, не на славянском языке, и, таким образом, показать несостоятельность гипотезы Иловайского.

№3 Подходя к этому вопросу с наших методологических позиций, мы можем найти новый угол зрения на эту проблему. Для нас роксоланы —

¹ Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882, стр. 74, сл. и др.

² М. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, VI, 1940, стр. 13.

не славяне, но одни из предков славян; для нас роксоланы не славянские руссы, но руссы, одни из предшественников славянских руссов, одни из участников того большого культурного и политического строительства, которое завершилось созданием Киевского государства и всей последующей историей нашего народа. Через имя роксолан и их восточных соседей и двойников аорсов-аланов мы перебираем, таким образом, мост между восточноевропейским историческим процессом и историческими событиями, происходившими на других частях территории нашего Союза.

М¹ Действительно, то этническое имя, которое звучит сейчас в названии нашего народа, широко запечатлено в «языке земли» Средней Азии (и не только Средней Азии) в форме рос, рокс, рас, ракс, ракш, рокш, рош, руш (западный беспрефиксный вариант), аорс, аракс, арси (префиксированный восточный вариант).¹ Этот элемент широко распространен в среднеазиатской топонимике. Мы находим его в первую очередь в названии Аму-Дарьи, Аракса Геродота, в ныне существующем имени реки Арыси, в названии древней страны Усрушана (Us-Ruš + an), по соседству с которой Александр дал свой знаменитый бой скифам, послуживший прототипом битвы Александра с руссами у Низами. Мы находим это имя в названии нескольких областей Средней Азии, носящих имя Рушан, в названии столицы легендарной скифской царицы Зарины — Рокшанаки; мы находим его в имени народа арси так называемых «тохарских документов» и в целом ряде других названий.

Не только в Средней Азии запечатлено это имя. Имя Аракса — Аму-Дарьи звучит и в названиях двух других великих рек Каспийского бассейна, прежде всего Волги, имя которой Raha — Rahva — Ros, как показали исследования А. Германна,² имело параллельный вариант — Аракс, и, наконец, в имени реки, и ныне носящей это название, — закавказского Аракса. Три Аракса Каспийского бассейна — это три памятника наших древних предков, носителей того же имени, которое носим мы.

С каким же этнографическим комплексом, с какими этническими группировками древнего мира связывается это имя на протяжении истории? Здесь мы можем ответить достаточно четко. Наиболее древним из исторически известных носителей этого имени в этом районе являются массагетские племена.¹ Не случайна связь аорсов и роксов с именем аланов, — мы знаем ту историческую преемственность, которая создавалась между массагетами и аланами в античной традиции (Аммиан Марцеллин). Если среднеазиатский Аракс течет в середине массагетской территории Закаспия, то имя массагетов нечуждо прикаспийским районам Закавказья и в иных формах, осложненных другими определителями, оно звучит широко на территории Восточной Европы. Мы находим его в имени гетов Дакии, тирагетов Приднестровья, тиссагетов Прикамья, мюргетов и в целом ряде других вариантов.

Не только это свидетельствует о древних связях так далеко отстоящих друг от друга территорий. Кроме имени самих массагетов и их ветви — роксов-аорсов мы находим целый ряд дополнительных имен населяющих эти области народностей, выступающих четко очерченными

¹ Видимо, свойственное тюркским языкам избегание начального «R» унаследовано современными среднеазиатскими кочевниками от их древних предков — восточных отраслей сармато-аланских, resp. массагетско-юечжийских племен.

² A. Hermann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, AKGWG, Ph.-Hist. Kl. Neue Folge, B. XV, № 4, Berlin, 1914.

гнездами. Укажу, например, на имена дахов (даев) Закаспия, даков Дакии и имя народа, которому обязан своим названием Дагестан (название, очень возможно, вовсе не происходящее от тюркского слова «даг»). В этот же круг связей вводят нас не только имена рек, но и имена гор: закаспийские Балханы в районе дахов и Балканы к югу от Дакии.

Я ограничусь только этими примерами в области этно- и топонимики. Но и в сфере материальной и духовной культуры восточные и западные области расселения древних гетских племен перекликаются между собой.

Мне пришлось в ряде работ¹ демонстрировать, что, если фракийский всадник является популярнейшим образом дакийской иконографии, то его двойник — хорезмийский всадник — сейчас выступает благодаря новым археологическим работам в качестве основного символа древне-хорезмского государства. Если на Западе у фрако-фригийских племен мы находим бога Сабазия, то, как я попытался показать в другой работе, на среднеазиатской почве мы находим его двойника — Сиявахша (Сиявуша)².

✓ Я думаю, что нет никаких оснований гиперкритически отбрасывать из круга древних связей интересующего нас этнонима древнейшее свидетельство, сохраненное нам библией, о народе рош, вторгнувшемся в VIII в. до н. э. среди других северных племен из понтокаспийских стран в Переднюю Азию.

✓ Историческое сложение того древнего политического и этнического комплекса, с которым связано широкое распространение имени роксов, и завязывание узлов политических связей Средней Азии и Восточной Европы восходят к тому отдаленному времени, когда протоиндоевропейские племена циркумпонтокаспийского ареала говорили на языках, близких к фрако-фригийским и занимавших, повидимому, промежуточное положение между иллирийскими языками на западе и скифскими и индо-иранскими на востоке. Основными компонентами этого комплекса племен были фракийцы на западе, фригийцы и армяне на юге, массагеты на востоке и киммерийцы на севере, к кругу которых, несомненно, должны быть отнесены и рош библии.

В VIII—VII вв. до н. э. эти народы, как в Средней Азии, так и в Северном Причерноморьи и в Закавказьи, подвергаются сильному влиянию продвинувшихся с востока, вероятно, из южноказахстанских степей, племен саков или скифов, говоривших на языках, отличных от фрако-киммерийских языков древних циркумпонтокаспийских племен. Языки саков были близки к индоиранским, но все же многими исследователями³ выделяются в особую группу. ✓ На протяжении многих веков сакские элементы полностью ассимилируются с древними киммерийскими и массагетскими племенами, и продуктом этого многовекового скрещения в последние столетия до нашей эры становятся сармато-аланские племена, которых Аммиан Марцеллин, опираясь на местную традицию, считает прямыми потомками массагетов.

Глубоко ошибочным, следовательно, является широко распространенный взгляд о существовании якобы сплошного «иранского» этнического массива на всем пространстве древней Скифии. Мы можем

¹ С. П. Толстов. Хорезмийский всадник. КСИИМК, I, 1938. Его же. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ. № 4, 1938, и др.

² С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 14.

³ Ср. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 92.

говорить лишь о разноплеменных массах поверхностно «иранизированных», точнее — сакизированных, местных фрако-киммеро-массагетских народов, пронесших сквозь века свои древние этно-культурные традиции. Древний киммерийско-массагетский этноним рос, рокс становится одним из основных этнонимов сармато-аланских племен.

Анализ этнонимического комплекса, связанного с исследуемым именем, позволяет наметить основную семантическую нагрузку, которую это имя несет, и выяснить, с чем оно ассоциируется в этих, уже скрещенного типа, языках сармато-аланского периода.

Здесь мы можем нащупать следующую цепь ассоциаций: с одной стороны, наш этнический термин в своем непосредственном значении — светлый, ясный, блистающий — наиболее тесно связан с именем солнца; затем он ассоциируется с конем, львом и водой.

Дальше я позволю себе аргументировать эти положения, но сейчас я подчеркиваю, что этноним рос, рош, аракс и другие его варианты являются в этом аспекте синонимами не только имени алан, но и других, широко распространенных в сармато-аланской среде этнических названий: свайр ~ хвайр, основа названия савромат (свайримат), и спирантный вариант этого имени Хвайризем (Хорезм) — с непосредственной этимологией — «плодоносящий», «изобильный» и с той же ассоциацией «солнце» («Народ солнца», «Земля солнца»).

Наконец, та же ассоциация отражена и в названии Согда («сверкающего») — не только среднеазиатского, но и крымского, и, может быть, в названиях некоторых других пунктов территории Восточной Европы, в частности в имени Суздаля (от Suḡda-li), не случайно расположенного рядом с одним из древнейших носителей имени «рос» на восточно-славянской почве — с Ростовом.

Все эти три имени представляются нам различными эпитетами, заменяющими табуированное имя верховного божества древних киммеро-массагетов, ибо, я напомним, именно солнце является их верховным божеством. Солнцем клялась царица Томирис перед боем с Киром, обещая насытить жажду завоевателя, и, сдержав свою клятву, напоила его досыта собственной его кровью. Напомним, что массагеты, по Геродоту, приносят в жертву солнцу лошадей, говоря, что быстреешему из богов подобает в жертву и быстреее животное. Солнце — верховное божество и конь — главный тотем массагетов аккумулярованы в имени рос, рокс, продолжающем и сейчас звучать на территории бывшего расселения массагетских племен.

III. Массагетские аршаниды

Широкое распространение исследуемого имени в период IV в. до н. э. и последующих веков связано с целой серией политических событий, которые должны быть нами подчеркнуты. Самый рассказ Арриана о большом Хорезмском царстве, вызвавший заслуженное внимание со стороны крупных специалистов, как Гутшмид и Бартольд, позволяет заострить внимание на проблеме связей Восточной Европы со странами Востока и, в частности, со странами Средней Азии, гораздо более непосредственных, чем это обычно рисуется в нашей историографии.

Удо недавнего времени среднеазиатские связи Восточной Европы начинали проследиваться со времен арабов. На деле мы имеем более глубокую предисторию этих связей, и, по всей вероятности, сведения

такого серьезного и критического автора, как Арриан, близки к истине, и Фарасман Хорезмийский, действительно, имел основание претендовать на гегемонию над северокаспийскими племенами вплоть до Северного Кавказа.

Для II и I вв. до н. э. мы имеем еще более ясное и четкое свидетельство. Это свидетельство хроники младшей династии Хань. Согласно этой хронике, Кангюйское царство, которое, как мы показали в другой работе,¹ тождественно с Хорезмским царством и охватывало в этот период территорию Хорезма, средней и нижней Сыр-Дарьи, — это Кангюйское царство подчинило себе область аорсов-аланов северного Прикаспия и собирало дань пушниной с народов, обитавших в отдаленной северной стране Янь, в которой, следуя древнему чтению этого иероглифа «арь», мы должны, вероятнее всего, видеть отдаленных предков современных удмуртов — народа «ари» русских источников XVI—XVII вв.²

Повидимому, уже тогда потомки закаспийских массагетов — хорезмийцы — проложили дорогу на далекий тиссагетский северо-запад и привозили шкуры пушного зверя из будущей страны камских болгар, как и во времена Ибн-Фадлана.

В этой связи встает вопрос о возможности привлечения к анализу этой проблемы нового материала, полученного археологическими работами последних лет. Я имею в виду открытый в 1937—1938 гг. древнехорезмийский нумизматический материал — монеты, происхождение которых до того было неизвестно, но первые находки которых были сделаны именно в Прикамье.

Этот же хорезмийский нумизматический материал, охватывающий время с I по VIII вв. н. э., дал нам возможность сделать и более важные выводы, систематизировать царские знаки хорезмийской династии сиявушидов и сопоставить их со знаками других династий, управлявших на Боспоре и в других восточноевропейских областях.

В итоге выяснилось, что тамги сиявушидов не одиноки, что, представляя собой резко очерченный круг форм, тамги определенного комплекса восточноевропейских и восточных государств оказались сводимыми одна к другой.

На прилагаемых сравнительных таблицах типов царских тамг и карте тех областей, в которых эти тамги имели распространение, можно видеть, что хорезмская тамга имеет непосредственное родство с тамгой боспорских царей династии аспургидов, пришедшей к власти в начале нашей эры, в тот период, когда сармато-аланские племена особенно мощным потоком двигались на запад. Даже детали этих тамг (в частности, тип их асимметрии) оказались одинаковыми.

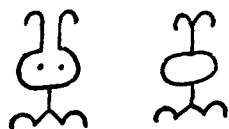
Сведения из китайской хроники династии Тан, что династии, управлявшие всей территорией царства Кан (так в танское время именуется территория древнего Кангюя, т. е. Хорезм, Согдиана и бассейн средней и нижней Сыр-Дарьи), были общего происхождения, подтвердились анализом тамг. Больше того, сведения тех же китайских источников о том, что династия Канского царства и великая кушанская династия «скифских» завоевателей, подчинивших себе Среднюю Азию и Северную Индию, генеалогически связаны между собой, также подтвердились анализом тамг.³

¹ С. П. Толстов. Цит. соч., стр. 8, 21.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Тезисы, КСИИМК, XIII, 1946.

³ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, № 4, 1938.

Хорезм

Восточная Европа

Боспор

Боспор

Кривой Рог

Боспор (склеп 1872г)

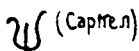
Боспор

{ Кривой Рог Боспор Смела Мощинск Маяцкое Цымлянское г-ще
 { 25 25 25 25 25 25 (Саркел)
 (скл. 1872г)
 { 25 25 25
 Знаки Рюриковичей

Цымлянское г-ще

Знаки Рюриковичей

Цымлянское г-ще

Знак Рюриковичей

Знак Рюриковичей

Таблица I. Сравнительная таблица тамг (родовых знаков)

Наконец, сведения хорезмской и персидской традиции, собранные ал-Бируни, о генеалогических связях парфянской династии аршакидов с хорезмским правящим домом сиявушидов, также подтвердились этим анализом.

В целом мы можем, таким образом, реконструировать целую систему государств, тесно связанных между собой политически, находившихся

X-XII вв

Варианты знака Рюриковичей
(по Рыбакову)

МОЩИНСКИЙ КЛАД Днепровско - Окская область VI - VII вв	СМЕЛА Маяцкое городище (по Макаренку)	САРКЕЛ (Цымлянское г-ще)
Тиберий Евпатор (155-171) Начало II в. Савромат II (208) Тоторс (291) Царские знаки династии Аспургианов	СКЛЕП 1872г. Знаки на разных памятниках	Кривой Рог
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО II-III в.в.		
 Эфталиты V-VI в.	 тамги на керамике	
 Согдиана VIII в.	 Разновидности тамг на Хорезмийских монетах	Великие Кушаны
 Ташкент III в.	 Варианты тамги Сиявушидов КАНГХА = Хорезм I - VIII вв н.э.	Восточный Иран при Сасанидах ПАРФЯНЕ (НЕСА)

Таблица II. Сравнительная таблица тамг

в тесных политических взаимоотношениях и оформлявших эти взаимоотношения родственной связью между династиями, что было одним из путей, наиболее обычных для дипломатии тех эпох.

Любопытно, что эти выводы подтверждаются свидетельством еще одной литературной традиции, именно — армянской. Согласно армянской литературной традиции, отраженной у Моисея Хоренского, Фавста Византийского и других армянских авторов, существовало четыре

ветви аршакидской династии: парфянские аршакиды, армянские аршакиды, индийские аршакиды (кушаны) и, наконец, еще так называемые массагетские аршакиды, под которыми подразумевались не совсем определенные «правители Севера».¹

Видимо, здесь разумелись, с одной стороны, цари Хорезма-Кангюя, а с другой, — являвшиеся их ветвью боспорские аспургианы. Характерно, что не только традиция, но и политические события, описываемые армянскими источниками, свидетельствуют о тесных династийно-политических связях между этими странами. Мы имеем, в частности, свидетельство о том, что, когда к власти в Персии пришла новая династия сасанидов, низвергшая последнего представителя парфянских аршакидов, царь Армении аршакид Хосров пытался связаться с кушанами и опереться на них в неравной борьбе против сасанидов.²

Если мы учтем расстояние между северной Индией и Арменией, то мы поймем, насколько должны быть серьезными эти связи, чтобы самая эта попытка Хосрова стала возможной.

✓ Итак, мы можем сейчас сказать, что у истоков политической истории нашей страны стоят не отдельные, оторванные друг от друга, возникшие в разных местах политические центры, а некоторая более сложная и мощная политическая система, противостоящая, с одной стороны, западному политическому объединению — Римской империи, распространявшей свое влияние на западные окраины этой системы, и, с другой стороны, на востоке противостоящая третьему политическому центру тогдашнего мира — Ханьской империи Китая. Не единственная, господствующая над миром империя, а две империи плюс разделяющая их система средневосточных государств позднего эллинизма, возглавленных генеалогически связанными между собой массагетско-скифскими династиями, — вот что представляет собой политическая география мира той эпохи.

Учитывая это обстоятельство, древняя история нашей страны должна рассматриваться не как история стихийно взаимодействующих отдельных племен, а как история сложной системы политического взаимодействия могучих древних государств, культурно и политически тесно связанных между собой и с родственными племенами севера, втянутыми в орбиту их экономического, политического и культурного влияния.

IV. Рустам и его двойники

Возвратимся к роксоланской теории происхождения термина «Русь» и к роли роксолан в процессе формирования русской народности. Гипотеза Иловайского (с отмеченными выше коррективами) может быть теперь подтверждена целым рядом внушительных фактов. Прежде всего, как показали новейшие археологические исследования, история культуры поднепровских племен, того центра, где сформировалась впоследствии славянская Киевская Русь, представляет собой в первые века нашей эры процесс интенсивного скрещения местных элементов, связанных с культурной традицией «полей погребальных урн», и степных сармато-аланских элементов.

Существенные выводы позволяет сделать анализ наших сравнитель-

¹ М. Хоренский. История Армении, пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 239 и сл.

² Там же, стр. 118—119.

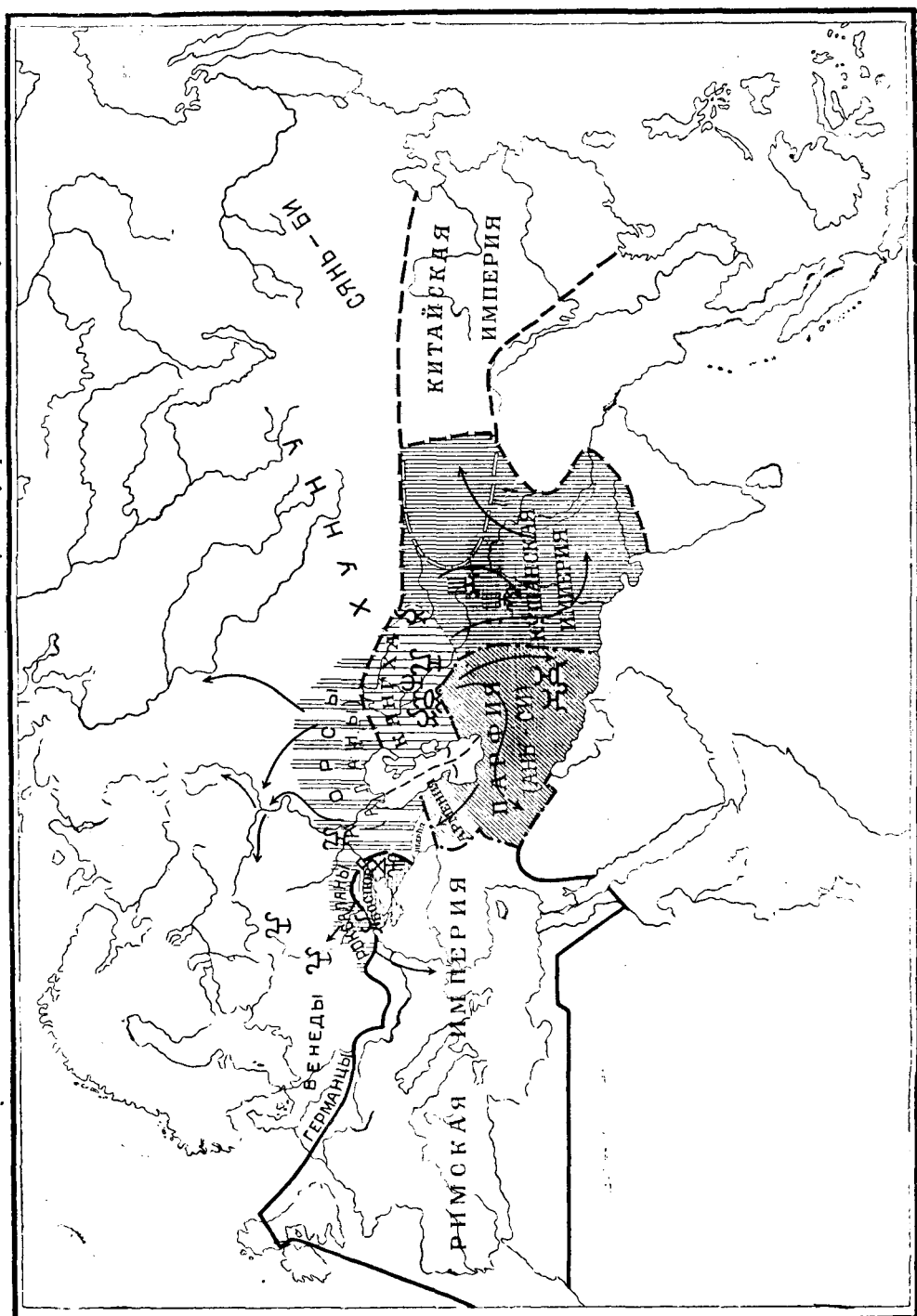

Схема системы позднеллинистических государств, управляемых скифомассagetскими династиями (начало н. э.)

ных таблиц тамг. Уже Б. А. Рыбаков обратил внимание на родство тамги рюриковичей с тамгами боспорских царей — аспургианов.¹ Установив связь между боспорской тамгой и тамгами древнего Хорезма и других областей системы государств «четырех ветвей аршакидов» армянской традиции, мы имеем возможность протянуть эту нить дальше. Мы можем теперь утверждать, что не только Боспор, но и самое Киевское государство, пусть очень отдаленными линиями политической преемственности, было связано со средневосточным миром массагетско-скифских позднеэллинистических держав, ибо в ту эпоху тамга — символ слишком большого значения, чтобы совпадение могло быть случайным.²

То же, что мы проследили в материальной культуре и в преемственности политической эмблематики, не менее ярко выступает и в области духовной культуры.

В киевском пантеоне, созданном Владимиром накануне христианизации Руси, мы находим имена ряда божеств, несомненно, связанных с сармато-аланской средой. Если имя Хорса-«солнца» и поныне звучит в североиранских языках, как и имя Симаргл — Сэнмурв, недавно подвергнутое блестящему исследованию К. В. Тревер,³ то имя Сварога также является исторически связанным с самим этнонимом сарматов-свайров, являясь, как мы показали выше, носителем того же значения «солнце». Между тем, Сварог — это одно из божеств не только восточных, но и всех славян.⁴

Наконец, в русском былинном эпосе мы находим мощные пласты, восходящие к тем же сармато-аланским эпическим традициям. В этом отношении особенно важен образ Рустама, на русской почве отложившийся в образе сказочного богатыря Еруслана Лазаревича, сохранившего не только имя, но и отчество своего восточного собрата. С другой стороны, по линии сюжетной Рустамиада перекликается с комплексом былин, группирующихся вокруг центрального образа русского былинного эпоса — Ильи Муромца.

Эта связь, раскрытая в свое время Стасовым⁵ и Миллером,⁶ сейчас может быть обоснована еще более широко. Как известно, теория Стасова — Миллера встретила целый ряд возражений со стороны других исследователей. Отмечу, в частности, работу Потанина, который противопоставил гипотезе Стасова о связи образов Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича со среднеазиатским и кавказским Рустамом широкий подбор аналогий из эпоса центральноазиатских племен. В имени Еруслана Потанин пытался видеть тюркское слово «арслан» — «лев».⁷

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, стр. 247 сл.

² Анализ семантики комплекса сиявшидских тамг показывает, что в их основе лежит знаменитая «трехфигурная композиция» — богиня (= дерево) + протомы двух коней — тот самый «дако-сарматский элемент», который вскрыт В. А. Городцовым в русском народном творчестве и который лежит в основе орнаментальных мотивов большинства народов Средней Азии и Восточной Европы, воспринявших киммеромассагетскую культурную традицию.

³ К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937, стр. 59.

⁴ Ср. культ. «Сварожича» (Zuarasici) у прибалтийских славян по Титмару: Гильфердинг. История балтийских славян, I. М., 1855, стр. 222.

⁵ В. В. Стасов. Соч., т. III, стр. 286.

⁶ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 172 и сл.

⁷ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 294 и др.; Миллер (166 стр. и сл.) видит в «Уруслан» искажение имени Рустам под влиянием тюркской народной этимологии.

Да будет мне позволено поставить вопрос о том, не звучит ли, напротив, в тюркском слове «арслан» имя Еруслана — Уруслана, ибо на территории древнего расселения тюрков львов не водится и вряд ли это имя принадлежит к особенно древнему пласту тюркской речи.

Характерно, что в политическом центре древних массагетов — Хорезме — образ льва имеет весьма широкое распространение в мелкой прикладной пластике, конкурируя с образами коня и всадника. Именно для Хорезма характерны украшенные головами львов ручки сосудов. Прототип таких львиноголовых ручек мы знаем уже в амударьинском кладе. В других областях расселения сармато-аланских племен типичными, как известно, являются ручки в виде кабана или барана. В связи с этим весьма вероятно предположить перенос на тотемное животное аорсов-аланов и их имени (префиксированного варианта этнонима роксолан), откуда и явно заимствованное в тюркском имя льва.

Большой интерес в этой связи представляет давно занимающая историков русского искусства проблема происхождения знаменитых владимирских рельефов, на которых среди разнообразных реальных и фантастических животных крупное место занимает лев. Бесспорный «восточный» отпечаток, лежащий на этом великолепном памятнике средневекового русского каменного зодчества, его бесспорные сюжетные и формальные связи с кругом «сасанидского» искусства, т. е. среднеазиатско-кавказского искусства I тысячелетия н. э.,¹ особенно поражают при учете огромного хронологического и территориального разрыва. Но если мы вспомним «сасанидских» львов русских народных вышивок, таких же традиционных, как блестяще раскрытые В. А. Городцовым образы богини и всадников, протянувшие нить непрерывной преемственности от искусства древних сарматов и фракийцев-даков нашего юга к крестьянскому искусству русского Севера XIX в.,² если мы вспомним, особенно, львов и другие звериные образы роскошной деревянной резьбы русского Поволжья³ (именно Поволжья, не Севера), то, может быть, проблема станет менее загадочной. Из художественной стихии русского деревянного зодчества,⁴ корни которого уходят в далекую предисторию славянского Поволжья, древнего, никуда не ушедшего славянского населения Хазарской державы и прото-славян нижневолжской Сарматии вплоть до птолемеевских сербов, вырастают могучие образы русских (некогда роксоланских) львов каменных рельефов Владимира, протягивающих в XII в. линию идеологической и политической преемственности между массагетской государственностью античности и русской государственностью средневековья.

Надо сказать, однако, что образ Рустама-Ильи имеет свою глубокую предисторию на территории самой Восточной Европы, восходя, повидимому, к древней массагетско-гетской, гесп. киммерийской, общности. Образ «скифского Геракла» Геродота тесно связан с образом Ильи-Муромца и Рустама.

Параллельный анализ легенд о «скифском Геракле» и «деве-змее»,

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, VI. СПб., 1899, стр. 45, 49 и др.

² В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды Гос. Ист. Музея, I, 1926, стр. 7 сл.

³ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, табл. 45, рис. 98.

⁴ Заслуживают внимания несомненные параллели в русской крестьянской резьбе Поволжья и деревянной резьбе до-мусульманской Средней Азии, известной нам по открытым А. Стейном памятникам восточного Туркестана. См. A. Stein. On Ancient Central Asian tracks. L., 1933, p. 49.

о Рустаме, Техминэ и Сохрабе, об Илье, Латыгорке и Сокольнике убеждает в тождестве исходного сюжета, архаический вариант первой части которого представлен у Геродота.

Для понимания смысла всех вышеприведенных наблюдений больше всего нам дает теория происхождения славян, сформулированная академиком А. И. Соболевским в его «Русско-скифских этюдах».¹ Конечно, в деталях его концепция подлежит уточнению, но нам представляется бесспорным, что А. И. Соболевскому удалось лингвистически установить, что в процессе славянского глоттогенеза решающую роль сыграл, с одной стороны, северо-иранский (я предпочитаю говорить о киммеро-скифо-сарматском) пласт и, с другой стороны, пласт, близкий к балтийскому (сейчас можно уточнить — иллиро-балтийский, с которым, вероятно, связан этноним «венеды»).

Во всяком случае, наши выводы целиком совпадают с основными итогами лингвистического анализа в работах Соболевского; несмотря на все различие между методом Соболевского и методом нашего учителя Н. Я. Марра, их выводы не противоречат друг другу, ибо помимо установления тех глубоких доисторических связей между различными народами Афреватрии и Америки, которые были раскрыты работами Н. Я. Марра, нужно переходить к установлению более узких территориально и более близких хронологически связей, одна из групп которых прекрасно вскрыта А. И. Соболевским.

Таким образом, мы видим, что и роксоланская гипотеза выступает теперь в новой форме, и целый ряд ранее выдвинутых теорий о культурных параллелях Руси и Востока может получить новое осмысление в свете новых материалов. В частности, это относится к теории происхождения русского былинного эпоса.

Если для дискуссии времен выхода работ Стасова и Миллера вопрос стоял о том, является ли наш эпос заимствованным с Востока — из Индии и Ирана, как считал Стасов, или от тюрко-монгольских кочевников, как думал Потанин, или с Запада, как доказывали их противники, — то теперь стоит вопрос об общности истоков русского, иранского, среднеазиатского эпоса, восходящих к скифо-массагетской и сармато-аланской среде, одинаково участвовавшей в формировании нашего народа и братских народов нашего Востока. Между прочим, чрезвычайно интересен тот факт, что Рустам в иранском эпосе — герой страны, носящей название страны скифов-саков, Сеистана, древнего Сакастана, страны, в которую сакско-массагетская народность сакараваков, как доказал целый ряд исследований, вступила во II в. до н. э. из приаральских степей. В иранский эпос имя Рустама проникает, несомненно, очень поздно, видимо, около времени арабского завоевания.² В Средней же Азии эпос о Рустаме зафиксирован в согдийских письменных памятниках, и, как показали исследования А. Стейна, культ Рустама как божества существовал в Сеистане и Хотане.³

Белязори рассказывает, что, когда арабы пришли в Сеистан, они увидели святилище, посвященное культу Рустама и его священного коня Ракша.⁴ В этой связи любопытно вспомнить, что на средней Аму-Дарье существует теснина, носящая название «Прыжок Дуль-дуля». «Дуль-дуль» — священный конь Алиа, четвертого халифа, героя восточ-

¹ А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. Русск. языка и словесности Росс. Ак. Наук, XXVII (1922), стр. 321 сл.

² Brown. Literary History of Persia, I, стр. 117.

³ A. Stein. Цит. соч., стр. 65—66.

⁴ Geiger und Kuhn. Цит. соч., II, стр. 140.

номусульманского военного эпоса, который вытеснил всех героев-змееборцев и, в первую очередь, Рустама.¹ Есть основания считать поэтому, что «Прыжок Дуль-дуля» был первоначально прыжком не Дуль-дуля, а Ракша. Таким образом, тождественными оказываются имя коня «Ракш» и древнее имя реки «Аракс». «Прыжок Аракса» — бурная теснина — в легенде осмыслен мифологически как «Прыжок Ракша».

Новый пересмотр исторических источников позволяет также подкрепить гипотезу Ломоносова—Иловайского. Если мы отправляемся от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и будем двигаться дальше, то мы увидим, что нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывается ни на один век. Если у Иордана² мы встречаемся при описании событий IV в. с народом росомонов, непосредственно ассоциирующимся с роксоланами, то у него же при описании тех же событий мы встречаемся с явно параллельным именем антов. А уже в VI в. мы находим первое упоминание народа «рос» у сирийского писателя Захария Ритора.³ У Табари-Балами⁴ мы встречаемся уже с «руссами» на Северном Кавказе в непосредственном соседстве с хазарами при описании арабо-хазарских столкновений VII в.

При этом чрезвычайно интересным является тот перелом, который происходит между V и VI вв. в самом образе роксоланов и пришедших к ним на смену руссов. Если раньше роксоланы выступают как тяжело вооруженная конница (в другой своей работе⁵ я показал, как, начиная с IV в. до н. э., так называемый «сарматский» тип военного доспеха проникает именно из Средней Азии от древних массагетов в Черноморье, так же как и в Переднюю Азию и в Китай), то в VI в. эта роксоланская тяжелая конница сменяется русской пехотой. Уже Захарий Ритор дает нам любопытнейший образ могучего пешего народа, которого «кони носить не могут». И эта традиция проходит потом

¹ О мифологических корнях образа Алия см. нашу работу «Очерки первоначального Ислама» (Сов. этнография, № 2, 1932). Заслуживает внимания параллелизм русского Ильи, хазарского богатыря Ильяса, сына Михраса Фирдоуси (см. Миллер, цит. соч., стр. 191) и восточномусульманского Алия. Поражает ономастическая близость и близость образов героев при полной неясности причин ассоциации их в первом и втором случае с библейским пророком, в третьем — с мусульманским халифом, образы которых в канонической традиции ничего общего с нашим сюжетом не имеют. Оставляя до специально подготовленной нами работы детальный разбор этой контрверзы, ограничусь пока выводами: русский Илья, хазарский Ильяс, среднеазиатско-иранский Али — это контаминация имени библейского пророка в двух первых случаях и арабского халифа — в третьем с древним, одним и тем же во всех случаях сармато-аланским именем, видимо, звучавшим Эля или Иля и в южноиранских языках имевшим закономерное соответствие в форме Айрья — «герой», «воин» (соответствие алаано-осетинского *il* древнеперсидскому *aig* доказал В. И. Аббаев). Это лишь эпитет к собственному имени героя, выступающему в прозвище русского богатыря — Муромец, Муравленин и в отчестве хазарского богатыря — «сын Михраса». В этом последнем варианте наиболее ярко раскрываются мифологически-ономастические связи Ильи. Михрас — среднеперсидское, эфталитское, вообще раннесредневековое произношение имени солнечного бога — воина, драконоборца Митры, персонализации «непобедимого солнца массагетов». Переход раннесредневекового *ih* → *u*, (*Mihr* → *mur*) при соседстве с губным — явление вполне закономерное для иранской фонетики (ср. *Seiger und Kuhn*, цит. соч., I, 2, стр. 29). А это дает нам отправную точку для формулировки равенства Митра = Рустам.

² *Iordanis. De origine actibusque Getarum. XXIV.*

³ Н. В. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 114 сл.

⁴ А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 74

⁵ С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 24—26.

через всю последующую мусульманскую литературу, продолжая жить много веков после того, как русские вновь стали «конным народом». Отсюда, между прочим, и образ гиганта-дикаря в «Искандер-Намэ» Низами. Любопытно, что даже сюжет борьбы руссов с амазонками тянется от Захария Ритора к Низами, воплощаясь у последнего в описание поединка пешего гиганта-дикаря из рядов руссов с прекрасной «китайской» амазонкой-лучницей, будущей возлюбленной Александра.

Видимо, в этих событиях отражен новый исторический этап в процессе слияния степных и лесных протославянских (роксоланских и венедских) элементов.

Однако, несмотря на то, что как раз в ту эпоху происходят крупнейшие события, связанные с падением Римской империи на западе и Ханьской империи на востоке, с широким движением кочевых народов из Центральной Азии на запад, перетасовывающих всю этнографическую и политическую карту, эта перетасовка оказывается лишь поверхностной, лишь внешние изменения из древности идущие этно-исторические пласты. Старые связи продолжают существовать, они восстанавливаются снова и снова. Угорские и тюркские элементы, внедряющиеся с востока в Нижнее Поволжье, Предкавказье, Причерноморье, лишь тонким слоем ложатся на древний сарматский, к тому времени в значительной степени славянизированный субстрат, культурно быстро ассимилирующий пришельцев или вынуждающий их искать новых мест, где, в конечном итоге, их постигает та же судьба, как, например, венгров, которые, сохранив в сильно измененном виде свой угорский язык, по культуре оказались почти нацело ассимилированными древним славянским населением страны.

Есть все данные предполагать, что сложившееся на базе древнего сармато-аланского, resp. роксоланского и аорского, населения северокавказское, подонское и нижневолжское славянство, политическую традицию которого несла еще в средние века приазовская Русь, продолжало жить в составе хазарских и болгарских политических объединений, оставшихся сармато-славянскими под тонким внешним покровом гунно-тюркских политических форм.

Не случайно в X в. царь волжских болгар Альмош именует себя «царем славян».¹ Не случайно славяне составляют вряд ли не основную массу населения хазарской столицы — Итиля. Не случайно орда северокавказских болгар Аспаруха (кстати, носящего имя, являющееся лишь вариантом имени эпонима — основателя боспорской сарматской династии Аспурга), вторгшаяся в Мизию, очень скоро оказывается чисто славянским народом, причем чрезвычайно близким именно к восточным славянам, что было бы мало вероятно, если бы славянский элемент мизийских болгар был балканского происхождения. Вторая гипотеза Иловайского — о славизме древних болгар, пропущенная через фильтр исторической критики, оказывается не менее плодотворной, чем его роксоланская гипотеза.

✓ Имя «гуннов-савиров» Предкавказья, севордик Армении, суваров камской Болгарии и наших балканских северян — имя одного народа, вошедшего в разные политические образования раннего средневековья и сохранившего в наиболее чистом виде древнее имя савро + матов.² И если мы в этой связи вспомним гипотезу Миллера,³ хазарскими связями объясняющего появление библейского имени древнего героя

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939, стр. 196 б.

² Сопоставление савроматов, северян и савиров см. у Иловайского, цит. соч., стр. 279.

скифо-славянского эпоса — Ильи Муромца,¹ то эта гипотеза тоже получит право на извлечение из недр забвения. В образе «старого казака Ильи Муромца» перед нами встанет герой юго-восточной степной «Хазарской» Руси, задолго до возвышения Киева несшей на себе тяжесть вековой борьбы с вторгшимися с востока ордами центрально-азиатских кочевников, действительный прообраз героев будущего казачества XVI и следующих веков. И в эпитете «казак», прочно сросшемся с образом Ильи, мы не можем не видеть лишь видоизменение древнего имени «хазар»² с тем же значением — «воин, охраняющий границы народа».³

V. Путь в Хвалиссы

Традиция восходящих к киммерийской эпохе и красной нитью проходящих через античность среднеазиатско-русских связей не рвется и в средние века.

В X в. и позднее Русь поддерживает теснейшие отношения с древним политическим центром массагетско-аланского объединения — Хорезмом, который еще не раз пытается претендовать на роль гегемона и политического арбитра Юго-Восточной Европы.

Хорезм для Руси X—XI вв. отнюдь не был далекой загадочной страной. Описывая географию Руси, автор начальной летописи пишет: «Ис того же (Оковьского) льяса потече Волга на Вьсток и вытечет семьюдесять жерл в Море Хвалисьское (вариант Хвалимское). Тьм же и из можеть ити в Болгары и в Хвалисы и на вьсток доити в жребий Симов».

Основной путь из Руси на восток лежал по Волге в Хорезм, ибо название «Хвалимское» или «Хвалиское море» является, как давно доказано, русским произношением имени «Хорезмское море». Для соседей Руси, печенегов, «мусульманин» и «хвалис»-«хорезмиец» были понятиями равнозначными.⁴ Хазария, сыгравшая такую большую роль в первоначальной истории Киевской Руси, находилась в тесных сношениях не только с юго-восточными славянскими племенами, составлявшими по существу ее этническую базу, но и с Хорезмом. Так, мы имеем сведения Ибн-ал-Асира о том, что, когда Хазария переживала последний период своей политической истории, распадаясь под ударами руссов и тюркских кочевников, ее правители обратились за помощью к Хорезму и получили ее, при условии принятия ислама. Мы знаем, по Ибн-Хаукалю, что после похода руссов 969 г. хазары бегут через Каспий на Мангышлак, а потомки этих хазар до сих пор сохранились на территории приамударьинских Каракумов в виде туркменского племени хызр-или.⁵ Мы знаем, что эмир Ургенча ал-Мамун делает в эти же годы попытку завоевания Хазарии и подчинения ее Хорезму.⁶ С другой стороны, через Хазарию пролегает путь непосредственных сношений

¹ Миллер, цит. соч.

² Филологически связь этих имен установлена Гомбоцем (Mémoires de la Société Finno-Ougr., XXX, 1912); Рамstedом (Zur Frage nach der Stellungd. Tschuwaschen, 1922 стр. 32 и Марром, ЖМНП, 1915; см. его же: Чуваши — яфетиды на Волге, 1926, стр. 43, 61).

³ Имя хаз'ар' — каз'ак' входит, несомненно, в круг социально-этнических терминов, исследованных нами в нашей статье «К истории древнетюркской социальной терминологии». ВДИ, № 1, 1938.

⁴ Изв. ал-Бекри. Изд. Куника и Розена. Текст 43, перевод 60.

⁵ Уже Ховорс сопоставляет племя адаклы-хызр, упоминаемое Абульгази, и хазар. Н. Howorth. The Khazars were they Ugrian or Turks? Труды III Междунар. съезда ориентал. в СПб., 1876, II, стр. 139.

⁶ Гаркави. Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870, стр. 282.

Руси и Хорезма в IX—X вв. Недавно открытый В. Ф. Минорским и исследованный у нас Б. Н. Заходером¹ текст Марвази дает более раннюю версию рассказа Ауфи² о принятии Русью ислама при Владимире Святом.

Этот рассказ, повидимому, восходит к хорезмскому источнику начала XI в. Если это (что весьма вероятно) — утраченная «История Хорезма» ал-Бируни или другой труд этого автора, то изложенное там должно соответствовать историческим фактам, и этот рассказ, говорящий о деятельности хорезмских миссионеров в Киеве, об одном из этапов религиозной политики Владимира, связанном с колебанием в сторону ислама, представляет для нас первоклассный интерес.

Да и сама Хазария — своеобразный синтез различных этнических элементов; ее столица заселена не столько хазарами, сколько славянами и хорезмийцами, причем самое любопытное, что хорезмская наемная гвардия хазарского кагана носит в качестве имени один из вариантов того же названия «Русь». Название этой гвардии «арсия» — вариант имени аорсов, звучащего и в арабской передаче имени третьего центра древней Руси — Арсания.³

Несомненно, это же имя запечатлено в названии мордвы-эрзи, потомков тех раннесредневековых буртасов, которые выступают в рассказе Низами рядом с руссами, аланами и арками.

Мы знаем, что хорезмские колонии, помимо Итиля, существовали и в волжском Болгаре, где опять славяне и хорезмийцы сталкивались между собой.

Мы уже отметили выше, что связи Хорезма с областью волжских болгар восходят к глубокой древности. Находки эллинистических хорезмийских монет и художественных изделий локализованы именно в Прикамье, как и находки хорезмийских изделий VII—VIII вв.

В другом нашем исследовании, еще в 1931 г., мы показали глубокую общность в материальной культуре (в первую очередь в одежде) потомков закаспийских массагетов — туркменов,⁴ с одной стороны, и группы поволжских народов (удмуртов, чувашей, горных мари и некоторых групп мордвы-эрзи) — с другой.⁵ Характерно, что наиболее резко этот комплекс выступает у одной весьма своеобразной группы удмуртов, так называемых «бесермян», имя которых представляет собой хорезмское произношение слова «мусульман». А если мы учтем, что еще в XIX в. сохранялась традиция о происхождении этих «бесермян» из «Хивы»,⁶ то не будет ничего невероятного в том, что в лице их мы имеем потомков одной из древних хорезмских колоний в стране «Ари».

¹ Изв. Всес. геогр. об-ва, VI, 1943.

² В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. ЗВО. IX, 1896, стр. 262; Е го же. Арабские известия о руссах. Сов. востоковедение, I, М.—Л., 1940, стр. 39.

³ Вряд ли возможно согласиться с принятым у нас чтением — Артанья. В рукописях мы, как правило, имеем не ت, а ث, не رثيه, Т, а رثيه, Т, а ث в арабской передаче неарабских слов, в особенности при учете иранской информации, должно заменять какой-то свистящий звук, вероятнее всего — йотированное S. Видимо, в арабском Арсания мы должны видеть Ars'an + iya от Arsi(—y—)an.

⁴ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 1, 1938.

⁵ S. P. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation tierioukhane. Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI, 1931, p. 16, ff., fig. 10a, 11, 12.

⁶ Н. В. Никольский. Сборник исторических материалов о народах Поволжья. Казань, 1919. 76: Д. Корепанов Бесермяне. Сб. «На удмуртские темы». М., 1931, стр. 99.

Надо сказать, что в создании средневекового и позднейшего населения Арало-Каспийского бассейна и более восточных областей связь древних аорсов и славянских руссов нашла свое отражение. Тюркская форма «урус» является закономерной разновидностью восточно-аланской — аорс.

Отметим также, что Потанин в своей полемике против Стасова и Миллера привел целый ряд образов так называемых «русских богатырей» в эпосе бурятского и других народов Центральной Азии. Сейчас эти богатыри осознаются как «русские», но анализ их образов, проделанный тем же Потаниным, не оставляет сомнения в их древности, несомненно, предшествующей соприкосновению центральноазиатских народов с русскими в современном смысле этого слова. Вряд ли не таково же происхождение и «руссов» Низами, которые явились отправными для моего исследования.

* * *

Мы далеко не исчерпали поистине безграничного богатства поставленной нами темы. Мы взяли лишь одну (правда, весьма немаловажную) из многих линий исторических связей Руси и народов советского Востока. Но выбор, определяемый, естественно, и специальностью автора, все же может быть обоснован и тем, что при всей важности древних среднеазиатско-русских, уже — хорезмско-русских связей, эта тема была совершенно не разработана, если не считать нескольких мимоходом высказанных замечаний В. В. Бартольда и весьма богатых интереснейшими идеями, но крайне устарелых по материалу и методу работ В. В. Григорьева.

Не менее (а может быть и более) богатую жатву дала бы разработка линии Русь — Кавказ, затронутая нами лишь постольку, поскольку она переплетается с нашей основной линией.

Мы лишь вскользь могли остановиться на вопросах зрелого русского средневековья, которое дает не менее значительный исторически и неизмеримо более богатый количественно материал для нашей темы. Но, естественно, мы не могли не ограничить себя, предпочитая вместо того, чтобы коснуться всего понемногу, исследовательски углубить хотя бы одну из сторон проблемы. Пусть наш материал ограничен, но и на нем мы можем видеть, что древняя политическая, хозяйственная и культурная история настолько тесно переплела исторические судьбы народов различных областей нашей великой страны, что совершенно не случайно те же политические объединения, которые создавались на заре истории, многократно возобновлялись на той же (или близкой) территориальной основе.

В самом деле, завоевание Святославом Хазарии, походы руссов X в. за Каспий в свете этих древних связей должны рассматриваться нами как реализация одной из важнейших тенденций хозяйственного, культурного и политического развития народов нашей родины, начиная с первых шагов их истории.

Период феодальной раздробленности ослабил, естественно, эти связи, но порвать их не смог. И не случайным поэтому является объединение Хорезма, Поволжья, Черноморья, Предкавказья и Руси в рамках Золотоордынского государства. Хотя оно сложилось в результате вмешательства внешней силы, но составные его элементы были связаны между собой прежде и остались связанными и тогда, когда эта внешняя сила сошла на-нет. Не случайно сама Русь, оставив позади себя

период феодальной раздробленности, реализовала старые замыслы Святослава и вновь в расширенном виде восстановила то политическое единство, которое намечалось на заре нашей истории.

Народы востока и запада нашей страны связаны между собой глубокой общностью исторических судеб, древнейшими и многообразными культурными связями. Многократно в течение тысячелетий эти народы входили в состав общих политических объединений, распадавшихся и вновь возникавших, пока Великая Октябрьская Социалистическая революция не завершила этого процесса созданием братского Союза народов нашей страны.

Истоки культуры Руси, как и истоки культуры остального славянства, восходят к истории многовековых взаимоотношений народов северных областей нашей страны с ее южными районами, создавшими в древности свою могучую государственность, цветущую и своеобразную культуру, занимающую достойное место в культурной истории человечества.
